

А. М. Крамаренко¹

БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ «ЗАПАД–РОССИЯ»: РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ФАКТОРА

В последнее время вызывает озабоченность общее состояние общественно-политического дискурса по проблематике отношений между Россией и Западом. Оптимизм внушает то, что резкие оценки и мрачные прогнозы не имеют никакого отношения к высказыва-

пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?» Второй смысл, называемый мною “позитивным”, возникает в ответе на вопрос: “Где источник давления или вмешательства, которое заставит кого-то делать то, а не это, или быть таким, а не другим?” Вопросы эти различны, хотя ответы на них могут частично совпадать» (см.: *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 126). Правда, Берлин, отвечая на эти вопросы, считает, что границы пространства свободы устанавливает не тот, кто пользуется свободой, а некая внешняя для него сила, потому что свобода ограничена (подчинена) необходимостью.

² Директор по развитию Российского совета по международным делам (РСМД), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Автор публикаций в журнале «Международная жизнь», на сайтах РСМД, «Газета.ру», журнала «Эксперт», в т. ч.: «Геополитика Русской революции: вердикт альтернативной истории?», «Реставрация Мэйдзи и Россия: сравнительный анализ опыта модернизации», «Россия и НАТО: предыстория “рокового решения”. Что делать?», «Переговоры по брекзиту: первые итоги» и др. Директор департамента внешнеполитического планирования МИД РФ (2005–2011), советник-посланник (в ранге Посла) Посольства России в Великобритании (2011–2017). Член Совета по внешней и оборонной политике. Награжден орденами Почета, Дружбы.

ниям на уровне высшего политического руководства страны и министра иностранных дел, которые выдержаны в духе классической дипломатии и не закрывают никаких дверей, не сжигают мостов.

Действительно, ситуация резко обострилась, наши западные оппоненты, как показали «дело Скрипалей» и последняя эскалация вокруг Сирии, сами впадают в воинственную, откровенно враждебную риторику и используют безответственную лексику. Но этому есть объяснение: теперь до них — вслед за Китаем и Россией — дошла очередь столкнуться с загниванием/упадком, системным кризисом общества и вызовом его комплексной трансформации. К этому следует добавить, что западные элиты оказались интеллектуально несостоятельными, растерялись и отчаянно цепляются за политику статус-кво как не имеющую альтернативы. Это можно понять: как к столь фундаментальным вызовам могли подготовить тепличные условия холодной войны и эйфория «конца истории» после якобы «победы» в ней?

К тому же весь комплекс отношений «Россия–Запад» нельзя рассматривать вне более широкого, глобального контекста. Все в мире пришло в движение — не осталось ничего постоянного, по крайней мере,

из того, к чему все привыкли за послевоенный период, оказавшийся как в части международных отношений, так и экономики капитализма искривлением временно-го пространства — пресловутым *time warp*. За три поколения легко было забыть о многовековом опыте всей предшествовавшей истории. Сформировавшаяся политика износилась и перестала соотноситься с потребностями текущего развития. Поэтому любые разговоры о статус-кво, которого быть не может, и «ревизионизме», в котором обвиняют Россию, лишены смысла. Отсюда особые требования к личности лидеров, оказавшихся и в Америке, и в Европе в условиях, ранее описанных как бонапартизм.

Усреднение на уровне политической ориентации и практической политики разрушает политические системы и чуть ли не сам политический процесс западных стран. Поэтому окончание холодной войны без формального послевоенного урегулирования действительно стало геополитической катастрофой и одной из причин «вызревших» потрясений на Западе. Их семена относятся к более раннему периоду — это основанная на долларе Бреттон-Вудская система, ее односторонняя реформа через отмену золотого стандарта на пике войны во Вьетнаме в 1971 году, эрозия закона Гласса–Стиголла и многое другое. Они несут в себе родовые черты западного общества, политическую культуру элит, его культурный генотип, определивший судьбы христианства на Западе, прежде всего в его ключевых сегментах — англосаксонском и германском. Опыт сопоставимых прежних трансформационных моментов показывает, что лидеры, чтобы отвечать их требованиям, должны пройти через личностную трансформацию. Такими были Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль, Дж. Кеннеди и, на мой взгляд, Н. Хрущев. Из западных лидеров таким условно революционным потенциалом пока может обладать только Д. Трамп.

Несколько слов о «российской вине» за нынешний кризис в наших отношениях с Западом. На мой взгляд, мы вели себя мирно, примирительно и умеренно. Реагировали лишь тогда, когда уже нельзя было не реагировать, упреждая куда большую беду, к примеру, еще одну Крымскую войну и установление суннитского фундаменталистского режима в Сирии. Опыт развития сирийского кризиса убеждает в том, что в столь цивилизованной стране нашлось не слишком много людей, готовых за нее воевать с обеих сторон, вследствие чего рано или поздно она оказалась бы добычей пришлых джихадистов, а это, в свою очередь, гарантировало бы выстраивание всей региональной политики в русле суннитско-шиитской конфронтации. К тому времени у России появился скромный потенциал проецирования силы, отвечающий поставленным задачам, как, впрочем, и более широкий потенциал противодействия внешним вызовам, включая информационные.

Ясно, что прежде чем наступит улучшение в наших отношениях с Западом, они должны еще больше деградировать. По крайней мере, до точки, когда европейцы уже не рискнут идти в ногу с Вашингтоном в военной эскалации из-за угрозы войны уже в Европе. Видимо, этот момент и определит «дно» — *rock bottom*, после чего начнутся стабилизация и выправление наших от-

ношений. Уже очевидны трансатлантические разногласия по вопросу соблюдения Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана, из которого вышли США.

В том числе поэтому нельзя ставить крест на Европе, которая возвращается к себе после жесткой идеологической инкарнации в форме исторического и якобы вневременного Запада. России и здесь не грозит геополитическое одиночество. Помню, когда расширялись НАТО и ЕС, мы говорили нашим западным партнерам, что им не следует спешить с выводами, так как мироощущение восточноевропейцев ближе к нашему, традиционно-консервативному. В «советском плену» (если использовать западную терминологию) эти страны сохранили потенциал исторического бодрствования, что проявляется по-разному уже в рамках НАТО и ЕС. Со временем все может измениться, но не в обозримой перспективе. Всем нужно исходить из потребностей сегодняшнего дня. Кстати, Дж. М. Кейнс, когда ему говорили о пользе долгосрочных решений, отвечал, что в долгосрочном плане мы все умрем. Если бы тот же Ф. Рузвельт в Великую депрессию ограничился только мерами долгосрочного характера, половина американцев умерла бы с голоду.

Хотя все говорят о том, что Россия не бросает Западу идейный вызов, на деле это именно так, только не в прежней системе идеологических координат, а в новой — в суверенизации большинства против космополитичного либерализма элит в самих западных странах. В принципе это не менее опасно для самих элит, которые склонны рассматривать этот «российский вызов» как экзистенциальный — на уровне «советского» эпохи холодной войны. Но тогда в ответ на «вызов» Советского Союза произошла «социализация» западноевропейской экономики и была сформирована устойчивая модель социально-экономического развития. Ее разрушение в результате рейганомики/тэтчеризма было связано с забвением уроков Великой депрессии и по времени совпало с окончанием холодной войны и распадом СССР. Сказались разрушительное воздействие видимого исчезновения конкурентной среды и технократический подход к общественным процессам: если не одна идеология и модель развития, то все пространство (и время) занимают их антиподы, причем *автоматически*.

Что, на мой взгляд, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее отношений между Россией и Западом?

Во-первых, не надо игнорировать переживаемый Западом кризис как часть контекста, который зачастую определяет значение тех или иных явлений. Кризис носит экзистенциальный характер и потому дает опасные выбросы вовне — как вариант своего рода кризисной мобилизации западных элит. Они цепляются за ускользающий статус-кво, включая сложившийся формат глобализации, которая мыслится как неотъемлемое условие «либерального порядка» (внутреннего и международного). Другое следствие этой ситуации заключается в том, что мы имеем дело не только с элитами, но и с протестным электоратом. Главное — у нас нет проблем с народами европейских стран, и этого нельзя забывать.

Во-вторых, вся глобальная политика вступила в эндшпиль — после топтания в «предбаннике» периода после окончания холодной войны. Собственно, эти 25 лет, которые потребовались для того, чтобы реальное значение «конца холодной войны» проявилось для западных элит, перетащили XX век в XXI, который по большому счету начинается с 2014 года, то есть с украинского кризиса. Характер эндшпиля таков, что все процессы резко ускоряются и события вполне могут развиваться по обвальному сценарию. К этому и надо быть внутренне готовыми нам, в России. Стратегического терпения нам не занимать: достаточно вспомнить, сколько времени прошло с Мюнхенской речи президента В. Путина до украинского и сирийского кризисов.

Россия реагировала, но не опережала развитие событий, не занималась насилием над историей и социальной инженерией на международном уровне. Оба кризиса в итоге оказались управляемыми, а управлять несколькими кризисами одновременно — это, возможно, беспрецедентное в истории международных отношений достижение. Москва не ставит конечных задач в смысле окончательного разрешения тех или иных проблем (в английском его передают слова “final” и “ultimate”). Такой подход — функции протестантского мироощущения в духе «конца истории», возможности рационального, вне Бога и истории, обустройства человека в этом мире.

То, что принято называть «кризисом либерального порядка», отсылает нас к таким фундаментальным понятиям, как «свобода», «баланс» между правами и обязанностями. В последние десятилетия произошел явный перебор в пользу первых. В связи с этим хотел бы обратиться к мнению бывшего архиепископа Кентерберийского Роузена Уильямса в его исследовании о Достоевском. Обращаясь к эскизам «революционной» свободы, набросанным в «Бесах», он пишет: «Здесь перед нами предстает диагноз патологических фантазий об абсолютной свободе, который можно сравнить со сформулированным в “Феноменологии” Гегеля: “свобода без границ” есть мечта о свободе, ничуть не зависящей от любой иной — человеческой, нечеловеческой или божественной — воли; коль скоро для нее не существует “иного”, она также утрачивает содержание. Но из этого следует, что жажда такой свободы может воплощаться только в разрушении <...>, кульминацией этого становится самоуничтожение»¹. Автор ссылается на авторитет Терри Иглтона: «Поскольку такими, какие мы есть, делаем нас ограничения, идея абсолютной свободы обречена быть террористической»².

С темой свободы напрямую связана идея «конца истории», то есть возможности «последнего слова». Именно отрицанием такой возможности пронизано все творчество Достоевского. В истории его правоту доказал опыт Советского Союза, теперь ее на собственном опыте доказывает западное общество.

В своей внешней политике Россия идет от жизни, вписываясь в ее поток, ведет себя гибко и прини-

мает решения по ходу развития событий; не чурается скромных, но реалистичных результатов, а также сетевой дипломатии, отрицающей само деление партнеров на союзников и врагов, что вполне отвечает духу нашего переходного времени, требующего комплексной «переоценки ценностей». До американской элиты только доходит понимание безальтернативности этого формата реагирования, но психологически к такой «смене курса» они не готовы, поскольку надо отказываться от слишком фундаментальных для их самосознания вещей. А надо ни много ни мало нормализоваться, стать нормальной, как другие, страной. Поэтому легче перейти в новое состояние через неоиоляционизм и даже с позиции силы.

В-третьих, Россия оказалась на острие геополитического сжатия США/Запада — отсюда острота наших противоречий. Но это обусловлено в том числе нашей историей, доказывающей псевдоморфный (по О. Шпенглеру) характер развития российского общества. В своей статье «Геополитика Русской революции» (журнал «Международная жизнь» за март 2018 г. и сайт Российского совета по международным делам) я попытался обосновать диалектику нашего участия в общих (именно общих) делах Европы, в пользу чего говорят многочисленные конвергенционные моменты на протяжении, по крайней мере, трех последних столетий. Это неизбежно в настоящем и будущем, как было неизбежно в истории. Именно такой момент мы переживаем с середины 1980-х годов, а с глобальным финансовым кризисом 2008 года обозначилось встречное движение со стороны Запада.

Без этого история Европы была бы совершенно другой, и, скорее всего, куда более катастрофичной, к примеру, если бы Россия вошла в орбиту объединенной под властью Пруссии Германии, отказавшись от своего естественного права на историческое творчество, и в мире возобладала бы внутризпадная bipolarность: англосаксы с одной стороны и Германская и Японская империи — с другой.

России остается ждать, пока западные элиты освоятся, прежде всего, под воздействием собственного электората, с новой реальностью, и одновременно проявлять готовность к диалогу и сотрудничеству, не переставать продвигать в мировых и региональных делах позитивную повестку дня. Главное — добиваться восстановления политического единства Европы/европейской цивилизации, включая ее североамериканскую ветвь и Россию, на внеблоковой основе. Это отвечало бы интересам всех членов европейской семьи в условиях качественно новой конкурентной глобальной среды, когда Европа более не может навязывать свою волю и свои ценности остальному миру и должна доказывать свою культурно-цивилизационную совместимость с ним. Именно в этом и может, на мой взгляд, состоять сводящая/балансирующая (как ее ни называть) роль России в мировой политике на современном этапе.

¹ Достоевский. Язык, вера, повествование. М., 2013. С. 34.

² *Eagleton T. Holy Terror. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 71.*